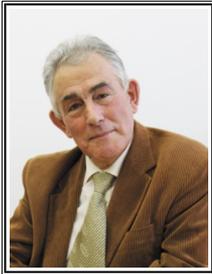

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Павел ГУРЕВИЧ

Доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор.

Н.М. КАРАМЗИН КАК ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ЛИЧНОСТИ¹

Цель статьи в том, чтобы показать огромное значение Н.М. Карамзина как первооткрывателя личности. Используя методы сравнительного анализа, автор отмечает, что в XVII в. европейская философия стремилась выразить идею высокой меры человека, однако точного слова для обозначения этого представления не было. Каким образом мы можем судить о том, что конкретный человек хотя и является в разных ипостасях, проходит череду всевозможных перевоплощений, всё же остаётся самим собой? Что может гарантировать другим людям, что перед нами всё же один и тот же человек? Как скрепляется внутреннее личностное ядро? Ведь если каждый индивид взрослеет, обретает социальные роли, меняет собственные взгляды на протяжении жизни, то всякая попытка скорректировать идентичность кажется невозможной. Английский философ Дж. Локк тщательно продумал многие варианты этой тайны. Однако не нашёл, на наш взгляд, ответ

¹ Данная статья была ранее опубликована в сборнике: *Гуревич П.С. Карамзин как первооткрыватель личности // Николай Карамзин и исторические судьбы России. К 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. С. 43–64.* Настоящая публикация является отчасти переработанным и дополненным её текстом, подготовленным к изданию Э.М. Спировой.

на вопрос, что же всё-таки позволяет индивиду обеспечить собственную сохранность как неповторимой человеческой особи. Его заслуга тем не менее состоит в том, что он выстрадал слово “personality”. Аналогичного слова в российской философии и словесности не было. Именно Н.М. Карамзин придумал собственный аналог данного феномена. Но образовал его от русского слова «лик». Таким образом, человек, выражающий конкретную полноту собственного жизненного существования, был назван личностью. Новые слова вводили в русский язык многие авторы. Значение первооткрывательства Н.М. Карамзина выявилось в том, что он создал таким образом определённую философскую традицию. Её можно назвать персоналистической. Она связана с философским постижением такого феномена, как личность. В статье показано, как русские философы, получив в своё распоряжение нужное слово, стремились указать и те признаки, которые соотносятся с личностью. Новое карамзинское слово нужно было освоить, оно требовало огранки и концептуальной содержательности.

Ключевые слова: философия, persona, личность, индивид, Просвещение, история, идеал, общество, духовный опыт

От маски к личности

Николай Михайлович Карамзин ввёл в обиход множество слов, которые несли серьёзную смысловую нагрузку. Некоторые понятия, уже известные учёным, Николай Михайлович удостоверял своим авторитетом. Термин «словесность» впервые был употреблён в «Словаре Академии Российской» 1789–1793 гг. Его создавали не только филологи и писатели, но и учёные разных специальностей. Первый академический словарь был призван служить чистоте русского языка. Н.М. Карамзин не раз использовал это слово. И это оказалось весьма авторитетным деянием. Учёные и писатели земли Русской стали относить это понятие к разным родам, видам и жанрам словесных произведений, а также и к самой художественной литературе. Особую роль в русской философии сыграло появление в русском языке понятия «личность».

К тому времени, когда русская философия стала осваивать накопленный ею и западной мыслью опыт постижения человека, в отечественной культуре как раз недоставало данного слова. В общественном сознании постепенно складывалось представление о том, что среди людского массива можно выделить таких индивидов, которые обладают более высокой мерой человеческого. Гамлет у Шекспира эту мысль обозначил словами о своём отце: «Он человек был, в полном смысле слова». Но разве недостаточными были уже расхожие определения – «индивид», «индивидуальность»? Однако, как ни крути, индивид – это категория натуралистическая, биологическая и лишь отчасти социологическая. Между тем человек не только индивид. В качестве индивида человек не универсален, он лишён универсального содержания. Сравнивая двух разных индивидов, мы вряд ли можем указать на их безупречную особость, которая выделяет их

среди других. Так в общественном сознании закрепилось слово «индивидуальность»... Оно как раз и выражало идею примечательных характеристик конкретного человека.

Однако для просветительского века, времени общественных борений и зрелого гражданского сознания, этих слов было явно недостаточно. Как назвать человека, который служит примером социальной мудрости или отваги, образцом тщательно выверенного поведения? Когда в древности хотели сказать о ком-то, что это социально и духовно развитый человек, использовали латинское слово «персона». Человека называли персоной, чтобы подчеркнуть, что тот не является лишь природным организмом, а обнаруживает сугубо человеческие свойства. (Напомним, что именно поэтому внимание к человеку в европейской культуре называется персоналистской традицией.)

Слово “person” в английском языке несло ту же смысловую нагрузку. Однако уже Д. Юм задумывается над тем, как обозначить некий «объединяющий принцип», который мог бы относить это слово к определённым представителям человеческого рода. В соответствии с господствующей когнитивной установкой классической философской мысли он искал признаки, которые могли бы соотноситься с устойчивым и тождественным содержанием людей такого типа. Иными словами, следовало предъявить обществу некую субстанцию, которая представляла бы собой надёжную ориентацию для выражения идеи «персоны» [9, с. 299].

Философы той поры были убеждены в том, что мышление соответствует реальности, задача исследователей состоит в том, чтобы выразить идею самоидентичности человека. Между тем в английском языке появилось слово “personality”. Однако между этими словами “persona” и “personality” не усматривалось тождество. Теоретический вопрос можно выразить следующим образом: в каких случаях можно считать, что данный индивид не только неповторим, оригинален, но обладает ещё и неким единством, целостностью? Ведь только в случае своей законченности он может соответствовать слову “personality”. В другом варианте этот индивид может предъявить самые насущные в данный момент социально и культурно востребованные маски, т.е. различные «персоны», которые слабо соотносятся друг с другом. “Personality” – это не набор масок, число которых по определению может быть безраздельным. Неслучайно Т. Гоббс проводил различие между «естественным» и «искусственным» personality. Первым качеством обладает человек, чьи слова и действия принадлежат ему самому. Вторая особенность характеризует человека, который словами и действиями «репрезентирует» другого (см.: [3, с. 124]). И в том, и в другом случае мы толкуем о масках или социальных ролях. Но «естественная» personality является автором своей роли, а искусственная – проживает чужие роли. В конкретном человеке углядеть эти противоречия удаётся не сразу. Носитель той или иной социальной роли обладает разными типами поведения. Народ и общество передают своё право выступать

от их имени одному актёру, т.е. суверену. Это состояние закреплено договором. Но эти маски меняются: суверен оказывается автором. Что же касается членов общества, то они вынуждены взять на себя роль актёров, исполняющих волю суверена.

Однако на самом деле не всё так просто. Чтобы быть автором своей роли, индивид должен обладать этим качеством хотя бы потенциально. Он также призван осознать эту способность как нечто реализуемое и даже неизбежное. По сути дела, ему, такому индивиду, придётся играть роль автора. Но коль скоро речь идёт о масках, то они обе не органичны, а искусственны. По сути дела, говорится о таком феномене, как “persona”. Но дело в том, что субъект в качестве “personality” просто обязан владеть этими двумя масками. В одном случае индивид раскрывает собственное Я, в другом, напротив, обозначает себя Другим. Так в философской литературе закрепляется одно из значимых качеств “personality” – степень социализированности того или иного человека. Внутри социальных отношений он не может быть только самим собой, ему необходима известная лабильность или способность отвечать на общественные запросы. Так, на локковский вопрос о тождественности “personality”, Юм отвечает в духе парадокса: «Я» не равно самому себе, потому что этого «самого-по-себе-Я» просто нет. Это в равной степени относится и к «естественной», и к «искусственной персоне».

Итак, слово “personality” появилось в Западной Европе не ранее XVII в. Заслуга Н.М. Карамзина заключалась не только в том, что он ввёл слово «личность». Этимологически в русском языке оно связано с «ликом», «обликом». Но вряд ли можно характеризовать эту замену как простой поиск синонима. Утвердив термин «личность», Н.М. Карамзин соединил в смысловом единстве разные ипостаси социального человека. Карамзин полагал, что индивид способен к общению, интеллектуальному и нравственному совершенствованию. «Индивид» – слово, которое изначально определяет одного человека через его несамостоятельность, через его удел, производность. Существование корпускул человечества создавало проблему для сознания людей, чья жизнь была неотделима от рода, общины, конфессии, корпорации и чья духовность нуждалась в абсолютной точке отсчёта. Индивидуальность существования была очевидностью, но очевидностью пугающей! От мнимой психической атомарности, от поверхности вещей мысль упорно сворачивала к тому, что отдельный человек подлинен лишь постольку, поскольку поставлен в общий ряд и даже в конечном счёте сливается с мировым субстанциональным началом. В этом плане истинно и единственно индивиден лишь живой Космос или Бог.

Личность – это хозяин собственной судьбы, собственной жизни. Человек может стать личностью, если поставит перед собой такую цель. Кого можно назвать личностью? Такого человека, который весьма своеобразен, социализирован, духовно развит, обладает чувством ответственности за свои поступки. По этой логике среди человеческого сообщества есть личности

и не-личности, т.е. люди, которые не соответствуют этому понятию. Многие авторы считают, что каждого человека можно назвать личностью. Нет безликих людей. Но в таком случае сопоставление понятий «индивид», «индивидуальность», «личность» теряет смысл. У американского фантаста Роберта Шекли есть словосочетание «минимум человека», т.е. набор элементарных качеств, позволяющих какому-то индивиду называть себя человеком. Можно, видимо, говорить и о «максимуме человека».

Итак, личностью, согласно Карамзину, можно назвать человека, который духовно богаче, чем индивид или индивидуальность. Индивид, даже если он неповторим, обладает особыми душевными качествами, далеко не всегда способен именоваться личностью. Он становится ею, если обретает духовность и социализированность. Но у исследователей есть и другая позиция. Личностью в этом случае называется не сам человек, а лишь присутствующая ему психическая инстанция. Точнее сказать, конкретная индивидуальность может иметь определённые личностные качества, но не быть личностью в полном смысле слова. Есть возможность проследить, как социальная философия продвигалась от слова к слову для обозначения особого дара человека. Разглядев в индивиде оригинальные черты, философы стали называть такого человека индивидуальностью. Н.М. Карамзин, вводя самостоятельное слово «личность», утвердил высшую инстанцию в человеке, его возможность быть человеком высшей меры.

Новое карамзинское слово нужно было освоить, оно требовало огранки и концептуальной содержательности. Прежде всего, понятие, взятое на вооружение, помогло Н.М. Карамзину овладеть огромной массой исторических сведений. А.Д. Сухов пишет: «Для написания “Истории государства российского” привлечён фактический материал, почерпнутый из летописей, грамот, судебных книг, сочинений иностранцев, в разное время посещавших страну. Интересовавшие его свидетельства Карамзин находил в архивах и библиотеках, отечественных и зарубежных, в монастырях и частных хранилищах» [8, с. 63]. Эта информация, понятное дело, не была деперсонализированной. Речь шла о людях, о масштабе их деяний и о присутствующих им качествах. Чтобы распорядиться этим материалом, нужно располагать ориентирами. За скупым документом историку было важно разглядеть человека, простого и знатного, безликого и самобытного, разрушителя или создателя.

Историческая концепция Н.М. Карамзина неразрывно связана с его концепцией личности. Его позиция была близка к той, которую позже выразил Н.А. Бердяев: историю творят личности. В этом контексте сама последовательность эпох, по Карамзину, есть не что иное, как борьба разума с неразумием, просвещения с невежеством, мракобесия с истиной. Историческая осмысленность истории у него сводилась к убеждению, что великие личности обеспечивают прорывы в бытийной непрерывности событий. Н.М. Карамзин сетовал, что в России до сих пор нет хорошей Российской истории, которая была бы написана с философским умом.

История, которую мечтал воссоздать Н.М. Карамзин, могла располагать двойственной трактовкой. Можно было выстроить её как развитие государственности, как деперсонализированную летопись событий. Другой подход предполагал акцентирование личности как культа великой истории. Люди минувших эпох живы для нас благодаря особому рода общественной практике – мемориальной. Если сгорел муравейник, память об этом сообществе исчезает бесследно. Однако в человеческом обществе жизнь прошедших поколений не утрачивается. Прошлое продолжает присутствовать в актуальном сознании. Н.М. Карамзин, готовясь к реализации своего замысла, затратил много усилий, изучая исторические труды европейских авторов. Принцип историзма в постпросветительскую эпоху имел огромную популярность. Историзм выступил как закономерный результат всего идейного развития Запада, начиная с Античности, как высшее выражение человеческого духа.

Историзм нередко был сугубо прагматичным [см.: 6]. Пользуясь отдельными историческими формами и приёмами, писатели стали выражать актуальное содержание, но одевали свои произведения в «исторические костюмы», отсюда ощущение игры, карнавальности. Историзм классического искусства идеален, романтичен, а историзм XIX в. спекулятивен. Историзм – принцип рассмотрения мира, природных и социально-культурных явлений в динамике их изменения, становления во времени, закономерном историческом развитии, предполагающий анализ объектов исследования в связи с конкретно-историческими условиями их существования.

Воссоздание государственности Н.М. Карамзин не считал своей главной задачей. В соответствии с ментальной установкой эпохи он верил в прогресс, который для него был неразрывен с гуманностью, просвещением и развитием личности. Вместе с тем Николай Михайлович полагал, что труд историка связан с вопрошанием, с мучительной разгадкой смысла протекших времён и деяний. Недаром он положительно отозвался о трагедии Пушкина «Борис Годунов». Не случайно его размышления об истории перекликаются с пушкинскими словами: «Безумны мы, когда народный плеск иль ярый вопль тревожит сердце наше». Правитель обязан обуздывать мятежные страсти, но не ради «самовластья», а для достижения счастья всех людей.

Н.М. Карамзин особенно подчёркивал, что людям важно знать жизнь простолюдинов. «История», написанная под влиянием великих заветов Просвещения, не могла быть безымянной. Карамзина увлекала идея истории в лицах. Но ведь и к историческому персонажу можно подойти по-разному. Кого-то интересует обличье человека, а кого-то внутренняя самотождественность исторического деятеля. Властители интересовали Н.М. Карамзина не как исполнители социальной роли. Историк хотел бы передать процесс возмужания исторической личности. Это, в частности, подчёркивает Ю.М. Лотман, который, касаясь личного достоинства Николая Михайловича, отметил, что это его постоянное самовоспитание. Его

можно вслед за П. Чаадаевым обозначить как «сотворение себя». Главное в человеке не его формальные качества, а именно личностный рост. Он мечтал, что «творец всегда изображается в творении, и часто против своей воли».

«Идеал человека-художника, – писал Ю.М. Лотман, – имел для Карамзина глубокое значение. Понятие прогресса он неизменно, во все периоды жизни, связывал с представлением о свободе, о её росте и расширении. Однако содержание понятия “свобода” менялось. Либерально-просветительское наполнение его, представление о свободе как отсутствию насилия, о праве личности на неотъемлемые, вытекающие из Природы права было прочно усвоено Карамзиным и никогда не покидало его, воспринимаясь как самоочевидная и даже тривиальная истина. Однако в определённые периоды творчества внимание переносилось на внутреннюю свободу духа, стоящего выше неизбежных материальных стеснений, накладываемых на него жизнью. Иногда обострялся мучительный вопрос о соотношении свободы человека и воли Провидения. Законы истории, общее благо, необходимость... Право на свободу и высшее право на самоограничение свободы – таков был круг размышлений Карамзина – современника Французской революции и Отечественной войны 1812 года, собеседника Канта и Пушкина, Жильбера Ромма и Александра I» [5].

На формирование персоналистической позиции Н.М. Карамзина оказало влияние и учение о человеке И. Канта. Именно этот мыслитель является основоположником философской антропологии как направления философского знания. Толкуя о личности, Н.М. Карамзин прежде всего имел в виду и великих государственных деятелей. Из размышлений о Канте возникла и известная формула Н.М. Карамзина: «История народа принадлежит царю». Не исключено, что это суждение покажется сторонникам либеральной мысли апологией монархизма. Но историк и был приверженцем срединной позиции. Для него были в равной степени чужды и апофеоз самодержавия, и бунташные настроения будущих декабристов.

Личность для Карамзина всегда ассоциировалась с богатой субъективностью. Именно в этом смысле он не является простым писателем исторической реальности. Личность немыслима без ценностей и оценок. Поэтому далеко не всегда можно проследить приоритетность личностного фактора в описаниях и анализах Н.М. Карамзина. Когда он описывает становление государственности в ранний её период, то о личностях деятелей той поры сказано не многое. Иное дело, когда речь идёт о воссоздании истории Московской Руси. Здесь у Н.М. Карамзина можно выявить даже латентно представленную психоисторичность. Автор пытается описать особенности того или иного характера. Разумеется, эти оценки не предполагают выделение типологических черт. Чаще всего речь идёт о выявлении свойств индивидуальности. Так мы встречаемся с такими обозначениями, как «Великодушие Мономаха», «Гордость Олега», «Храбрость и добродушие Мстислава».

А вот что касается Петра I, то здесь Н.М. Карамзин не мог ограничиться отдельными, частными характеристиками. Историк считал этого царя идеалом. Ведь именно этот правитель открыл европейскую культуру для Руси. Теперь предстояло решить иную задачу – представить просвещённую Европу как источник богатейшей культуры для Руси. Для решения этой миссии требовалось провести реформу литературного языка. Заслуги Н.М. Карамзина в этом процессе известны.

Идея социализированности

Н.М. Карамзин в качестве особого дара личности выделил степень его социализированности. В самом деле, индивид, который не вписан в общественный миропорядок, не уважает право и традиции, не может называться личностью. Когда рождается ребёнок, он призван войти в тот мир, который его окружает. Ему предстоит принять существующие в данной культуре нормы, законы, традиции, правила, общественные представления. Процесс освоения этого наследия называется социализацией. Он начинается в раннем детстве и продолжается всю человеческую жизнь. Ведь личная реальность постоянно меняется. Нарождаются новые святыни, принимаются новые законы, складываются новые традиции. Человек всё время пытается примерить к себе всё богатство социальности. Здесь снова возникает проблема: чему отдать предпочтение – личности или обществу?

Казалось бы, совершенно очевидно, что в рамках персоналистской традиции начинать надо с личности. Она самодостаточна, а присутствие других людей представляет собой только «произвольное стеснение» для личности. Однако человек реализует себя не в пустом социальном пространстве. Это означает, что личность, не вобравшая в себя социальные задатки, не может быть полноценной.

От имени человека мы можем предъявить человеческому сообществу некие требования. Но неужели человек – само совершенство? Теперь мы можем говорить о подсудности человека, т.е. о том, что личность – это фигура ответственная. Да, она пытается развить себя, развернуть свой потенциал. Но ведь не в ущерб же сообществу людей...

«Гипнотики коллективизма» (так В.С. Соловьёв называет людей, отвергавших идею личности) видят в жизни человечества только общественные массы. Но что это за общество, состоящее из бесправных и безличных нулей? Будет ли это во всяком случае общество человеческое? По мнению В.С. Соловьёва, если отобрать у личности её общественное достоинство, то останется животная особь. Социальность, следовательно, есть одно из определений личности.

Как могло родиться общество, если бы одарённые, выдающиеся личности пренебрегали социальными формами существования? Именно благодаря крупным политикам, мыслителям, военачальникам, законодателям

формируются новые типы человеческого общежития. Однако дело не в личных намерениях выдающихся людей, а в рождении самой социальной формы жизни и деятельности человека.

Итак, личность – социальна, внедрена в общество и привязана к общественной жизни. Внесоциального естественного состояния человека никогда не было, это абстракция, выдуманная в XVIII в. И вместе с тем личность сталкивается с обществом, ведёт вековечную тяжбу с ним. Общество, по словам Н.А. Бердяева, защищает личность от природы, от других личностей и даже от неё самой, питает её, обогащает её многообразным содержанием, но и угнетает её, ограничивает и порабощает.

Личность и общество взаимодействуют и сталкиваются в одном плане, но они принадлежат разным планам и несоизмеримы. Общество же налагает на личность свой образ и подобие и превращает её в своего слугу и раба. Проблема личности и общества может ставиться с общественной и духовной точки зрения, с точки зрения философии общества и философии духа. И в зависимости от постановки проблемы мы будем возвращаться в совершенно разных кругах. И никогда в одном из этих планов, в плане общественном, проблема эта не может быть разрешена. Не может быть разграничено то, что принадлежит личности, от того, что принадлежит обществу.

Всякая защита личности с точки зрения общества, с точки зрения социального мирозерцания есть уже признание примата общества и ведёт к рабству личности. Предполагается, что от общества может личность получить свободу, своё внутреннее право, своё достоинство, свой дух. Замечательно, что социальное по своему принципу мирозерцание (всё равно, теократическое, консервативное, либеральное, демократическое, социалистическое или анархическое) обычно оказывается тираническим по отношению к человеческому духу.

Ошибочно было бы думать, что проблема личности и общества верно ставится на почве индивидуализма, отвергающего реальность общества. Общество нельзя рассматривать как простое взаимодействие и сумму индивидов. Атомистическое понимание общества не только ложно, оно извращает само понятие личности. Личность есть менее всего атом, равный всякому другому атому. Общество есть особого рода реальность, оно есть не только в мышлении, но и в бытии, есть ступень бытия. И только потому существует конфликт личности и общества.

Совершенно иным представляется соотношение личности и общества в зависимости от того, станем ли мы на социальную или на духовную точку зрения. В плане социальном личность есть часть общества, общество всегда больше личности, личность есть малый круг, включённый в большой круг общества. С этой точки зрения личность не может противопоставлять себя обществу, ибо общество представляется источником её жизни, её питательным лоном, общество определяет её сознание и мышление, её верования и нравственные оценки. Если личность всё-таки может

противопоставлять себя обществу, может бороться против его безраздельной и неограниченной власти над собой, то исключительно потому, что личность принадлежит другому порядку, не социальному. Не в нём укоренено её бытие. Личность входит в социальный план, но выходит она из плана духовного и из него черпает свою силу и свои оценки. Оставаясь в плане социальном, нельзя никак утвердить примат личности и над обществом.

Философская проблема личности совсем не есть проблема той или иной организации общества, при которой личность получает больше свободы и независимости. Проблема личности, её достоинства и независимости, её свободы и права во всей глубине может быть поставлена лишь в том случае, если личность принадлежит не только социальному, но и духовному миру.

Все психологи согласны с тем, что личностью не рождаются, а становятся, и для этого человек должен предпринять немалые усилия: вначале овладеть речью, а затем с её помощью многими моторными, интеллектуальными и социокультурными навыками. Личность рассматривается как результат социализации индивида, который усваивает традиции и систему ценностных ориентаций, выработанных человечеством. Чем больше человек смог воспринять и усвоить в процессе социализации, тем более развитую личность он собой представляет (см.: [7, с. 15]).

Человек, но не личность

Ещё один сложный вопрос: может ли человек не быть личностью? Судя по размышлениям русских философов – Н.М. Карамзина, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, на этот вопрос ответ очевидный – может. Но эта позиция вызывает множество споров. В период либерализации страны в 1980-е гг. много писали о неотъемлемых правах человека. Он, индивид, имеет право на жизнь, образование, достойное существование, свободу. Всё это так. Но такой радикальный ход мысли привёл к тому, что мы стали утверждать, будто каждый человек является личностью? Ведь это совсем другой вопрос. Личностью человек становится не по определению, не по тайне рождения, а в результате сложной и напряжённой духовной работы.

Является ли личностью годовалый ребёнок? Нет ничего кошмарного в том, чтобы ответить на этот вопрос отрицательно. Мы можем назвать его личностью условно, имея в виду раскрывающиеся перед ним возможности. Но ему, ребёнку, ещё предстоит стать личностью. «Как же так? – возмущались мои оппоненты, столкнувшись с такой точкой зрения. – Что же это получается, мы относимся к учащемуся как к личности, а потом, выходит, он утрачивает это качество?» Здесь та же самая проблема. Мальчик является личностью не потому, что сбил с ног девочку, ударил её.

Он личность как потенциальная фигура. Но это относится не только к школьнику, но и к каждому человеку.

Является ли личностью психически неполноценный человек? Если мы дадим сразу отрицательный ответ, то поставим в тупик сторонников антипсихиатрического движения. Ведь видный представитель этого движения Р. Лэинг считал шизофреника своеобразной личностью, подчас не лишённой даже духовности. Данный подход учитывает то обстоятельство, что бытие человека можно рассматривать с разных точек зрения, в частности человека можно воспринимать в качестве личности и как вещь. Отношение к личности отлично от отношения к организму. На языке экзистенциальной феноменологии другой человек, рассмотренный в качестве личности и организма, является объектом различных интенциональных актов. Исследователь выбирает интенциональный акт или точку зрения внутри всеобщего контекста, в результате чего перед ним предстают различные стороны человеческой реальности.

Когда человек рассматривается в качестве организма, то он оказывается не чем иным, как комплексом вещей и вещественных процессов. Их объяснение основывается на машинной и биологической аналогии. Теория человека как личности и сводится к его описанию как машины или органической системы вещественных процессов. Это приводит к тому, что основанная на подобном видении человека психопатология устраняет возможность понимания дезорганизации пациента как неумения достичь личностной формы единства.

Итак, психически неполноценный человек не является личностью, но может рассматриваться в этом аспекте как индивид, переживающий определённый духовный опыт. Если полагать, что безумец, чей психический мир подвергся распаду, тоже личность, то можно дойти до абсурда. Иное дело, если мы полагаем, что психотик переживает необычный духовный опыт, который нам зачастую неведом, тогда мы включаем такого человека в поле личностного анализа.

Духовный опыт

Как доказать и обосновать само существование духовного опыта? Слишком многие отрицают своеобразную качественность духовного опыта и сводят его целиком к опыту душевному, к предмету психологии. Но возражения против возможности и существования духовного опыта всегда бывают основаны на том, что его нет у тех, которые его отрицают. Из того, что кому-то (хотя бы это было и большинство человечества), недоступны качества духовного опыта, никак не следует, что этого опыта нет и он невозможен.

Ошибочно предположение, что личность есть непременно субстанция и должна быть ограничена, разделена и что отрицание субстанции есть

отрицание личности. В действительности верно, что живая, конкретная личность нисколько не похожа на субстанцию. Природа личности – динамическая. Личность есть прежде всего качественно своеобразная духовная энергия и духовная активность – центр творческой энергии. Бытие личности совсем не предполагает принципиальной отдалённости от Бога и мира. Сверхличное в личности не отрицает личности, а конструирует и утверждает её. Бытие личности в подлинном смысле слова только и возможно при раскрытии в ней духовных начал, выводящих её из замкнутого состояния и соединяющих её с божественным миром.

В духовном опыте моя судьба перестаёт быть отдельной и замкнутой судьбой. А это значит, что духовная жизнь есть в высшей степени конкретная, сращенная жизнь. Природная же действительность есть действительность абстрактная и отдельная. В ней никогда не дано цельности и полноты, совершенной соединённости. В духовной жизни дана цельность и полнота бытия, в неё претворённо и преображённо входят все ступени бытия, преодолеваются рознь и чуждость, побеждается вещьность.

Духовный опыт возможен лишь при предположении, что человек есть микрокосмос, что в нём раскрывается целая вселенная, что нет трансцендентных границ, отделяющих человека от Бога и от мира. Духовная жизнь познаётся совсем не в психологическом исследовании душевных процессов. Психология есть наука о природе, естественная наука, а не наука о духе. Духовная жизнь как особенное обычно ускользает от психологической науки. Большая часть психологических процессов должна быть отнесена к явлениям природного мира; эти процессы связаны с телом и материальным миром, происходят во времени, так или иначе относятся к пространству, они протекают в замкнутости, отдельности и внешней связанности. Психология исследует абстрактно духовную жизнь и имеет дело с абстрактной, а не с конкретной действительностью.

Духовная же жизнь конкретна и требует конкретного изучения. Духовная жизнь раскрывается в познании конкретной духовной культуры, а не абстрактных элементов души. Знание духовной жизни есть наука историческая, наука о культуре, а не естественная наука. Материалом философии духовной жизни является историческая духовная жизнь человечества, всегда конкретная, религиозная, мистическая, познавательная – философская и научная, нравственная, творчески-художественная жизнь человечества, великие памятники духа, великие творения в духовной жизни.

Личность не может познавать духовную жизнь в состоянии изоляции и оторванности, не может начинать с себя. Исходная точка Декарта не благоприятная для познания духовной жизни. Признание подлинной реальности духовной жизни прошлого человечества есть необходимая предпосылка философии духовной жизни. Платон для нас не только предмет исследования. Мы живём одной общей жизнью с Платоном, одним духовным опытом, мы встречаемся с ним внутри духовной жизни, в её глубине. Биографии святых и гениев, творения религиозных учителей, великих мыслителей, великих художников, памятники духовной жизни человечества имеют несоизмеримо

большее значение, чем дедукции отвлечённой мысли. Духовная жизнь была подлинно конкретно явлена в духовном опыте человечества и оставила по себе творения и памятники.

Человек, погружённый в свою собственную природу, был бы лишён духовной жизни. Индивидуализация, раскрытие личности совершается самим духом, в недрах духовной жизни, она есть качественное духовной жизни. В духовной жизни действуют и раскрывают свои энергии существа, личности. Существа, человеческие личности со своей вечной судьбой непосредственно даны в духовном опыте. Тайна человеческой личности выразима лишь на языке духовного опыта, а не на языке отвлечённой метафизики. По мнению Н.А. Бердяева, плюралистическая метафизика так же абстрактна, так же рационалистична и так же не соответствует самой жизни духа, как и метафизика монистическая; спиритуализм в своём роде не менее дефектен, чем материализм. Средневековый схоластик Дунс Скот основательно возражал против схоластического учения Фомы Аквината об индивидуальности и бессмертии души и доказывал, что учение это ведёт к отрицанию бессмертия души и самого бытия человеческой индивидуальности. Но схоластическое учение самого Дунса Скотта, по словам Н.А. Бердяева, в некоторых отношениях более тонкое, чем учение Фомы Аквината, и защищающее индивидуальность, подлежит столь же основательным возражениям.

Сложности и противоречия

Карамзинская традиция трактовки личности, несомненно, обладает определённой ограниченностью. Русские философы в соответствии с просветительской традицией воспринимали признаки и характеристики личности как рядоположенные. Однако мыслители более позднего времени обнаружили, что такие качества личности, как социализированность, духовность, ответственность, не выстраиваются в одну линейку. Скажем, всегда ли духовен предельно социализированный индивид? Не исключено, что приверженность социальности может обернуться откровенным конформизмом. С другой стороны, всегда ли духовный человек достаточно социализирован? Отшельник или аскет, обладающий несомненным духовным опытом, сознательно обрывает социальные связи, которые мешают ему отдаться духовности. Трудно обвинить убеждённого буддиста в том, что он не духовен. Но в соответствии со своей этической установкой приверженец данного учения, оказавшись в Европе, не понимает, отчего жители этих стран живут суетной жизнью, размещают своё существование в строгих рамках казённой официальности.

Ценность размышлений В.С. Соловьёва состоит в том, что он вовсе не замыкает личностное богатство рамками конкретного общества. XX век показал, что гражданская верность обществу далеко не всегда может

реализоваться в условиях преданности социальному устройству, поскольку человечество столкнулось с опытом пагубных, зверских режимов. Отсюда вытекает мысль о том, что личность соотносится не только с реальной практикой собственного времени, своей эпохи.

Некоторые философы, например Артур Шопенгауэр, полагали, что именно в уединении, в отречении от социальных предрассудков можно развить в себе личность. Здесь рождается уже новая проблема. Можно ли рассматривать личность как нечто замкнутое в себе самой или она предполагает предельную открытость, восприимчивость? И даже ещё шире: как возникли общество и присущая ему социальность?

Загадка человека как личности

Проблема человека, по мнению Н.А. Бердяева, является центральной для сознания нашей эпохи. Он определяет человека как существо противоречивое и парадоксальное, ибо оно принадлежит двум мирам – природному и сверхприродному. В нём пересекаются все круги бытия. Духовная основа человека не зависит от природы и общества и не определяется ими. Частные науки могут исследовать лишь отдельные стороны человека как природного существа, но не его целостность.

Человек, по словам Н.А. Бердяева, есть загадка не в качестве организма или социального существа, а именно как личность. Личность – важнейшее понятие персонализма русского философа. Это понятие он отличает от понятия «индивид» (индивидуум). Индивид, мы помним, категория натуралистическая. Это часть рода, общества, космоса, т.е. он связан с материальным миром. Личность же означает независимость от природы и общества, которые дают лишь материю для активной формы жизни. Личность, согласно Н.А. Бердяеву, нельзя отождествлять с душой, это не биологическая или психологическая категория, а этическая и духовная.

Личность не есть часть общества или универсума, напротив, общество есть часть личности, её социальная сторона (качество), равно как и космос есть часть личности, её космическая сторона. Этим объясняется то, что в каждой личности есть и нечто общее, принадлежащее всему человеческому роду, тому или иному профессиональному типу людей. Но не в этом её суть. Иными словами, личность – это микрокосм, универсум в индивидуально-неповторимой форме, соединение универсального и индивидуального. Тайна существования личности – в её абсолютной незаменимости, в её однократности и несравнимости. Личность призвана совершать самобытные, оригинальные, творческие акты.

Личность более индивидуальна, чем индивид. Индивидуальность – это неповторимый, самобытный способ бытия конкретной личности, единство уникальных и универсальных свойств человека. В бердяевском определении индивидуальности скрыто содержится определение индивидуальности

и тем самым подготовлена почва для вычленения его в качестве отдельного понятия.

Бердяев подчёркивает, что личность не есть застывшее понятие, готовая данность. Она есть самосозидание. Личность формируется в борьбе со злом как внутри себя, так и вовне. Она призвана вести борьбу против рабства, за освобождение.

По словам Н.А. Бердяева, опыт жизни, борения духа создают образ человека. Человек не есть окончательно готовое и законченное существо, он образуется и творится в опыте жизни, в испытаниях своей судьбы. Человек связан со своей судьбой и не властен уйти от неё. Моя судьба есть всегда особенная, неповторимая, единственная и единая судьба. В опыте моей жизни, в её испытаниях и исканиях образуется формация моего духа.

Душа человека стала иной, чем была тогда, когда впервые принимала христианство, когда учили великие учителя церкви и догматизировали вселенские соборы, когда создавали монашество, когда господствовало средневековое теократическое государство и выковывался средневековый и византийский тип религиозности. Это изменение и уточнение психеи совершалось прежде всего под влиянием таинственного и часто незримого, глубинного действия самого христианства. Христианство изнутри побеждало варварство и грубость души, образовывало человека [2, с. 15].

Личность есть неизменное в изменении, единство в многообразии. Нас одинаково неприятно поражает, если есть неизменное в человеке и нет изменения и если есть изменение и нет неизменного, если есть единство и нет многообразия, если есть многообразие, но нет единства. И в том и в другом случае нарушается существенное качество личности. Личность не есть застывшее состояние, она разворачивается, развивается, обогащается, но она есть развитие одного и того же пребывающего субъекта. Самое изменение происходит для сохранения этого неизменного, пребывающего. Личность ни в коем случае не есть готовая данность, она есть задание, идеал человека. Совершенное единство, целостность личности есть идеал человека. Личность самосозидается. Ни один человек не может сказать про себя, что он вполне личность.

Н.А. Бердяев рассматривает основной парадокс существования личности. Личность должна себя созидать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать единства и цельности на протяжении всей жизни. Но для этого она должна уже быть. Должен изначально быть тот субъект, который призван себя созидать. Личность в начале пути, и она лишь в конце пути. Личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть первичная цельность. Возрастание личности, реализация личности вовсе не означает образования целого из частей, но означает творческие акты личности как целого, не из чего не выводимого и не из чего не слагаемого. Образ личности целостный, он целостно присутствует во всех актах личности.

Мы уже рассматривали предпринятое Н.А. Бердяевым последовательное различение понятия индивида и личности. Индивид, по мысли философа, рождается и умирает. Личность же не рождается. Её творит Бог или сам человек. Мы рассуждаем о двух индивидах. Но при этом об одном из них, к примеру, мы можем сказать, что он обладает личностью. Это оценочный подход. Нередко биологически и психологически яркий индивид не имеет личности. «Личность есть целостность и единство, обладающее безусловной и вечной ценностью. Индивидуум может совсем не обладать такой целостностью и единством, может быть разорванным, и может быть смертным. Личность и есть образ и подобие Божие в человеке, и потому она возвышается над природной жизнью. Личность не есть часть чего-то, функции рода или общества, она есть целое, сопоставимое с целым мира, она есть продукт биологического процесса и общественной организации» [1, с. 62].

Что означает целостность применительно к личности? Скажем, кто-то стал крупным математиком, но при этом равнодушен к искусству. Другой оказался политиком. Он достиг социальных высот, но при этом превратился в делягу, в циника. Третий достиг огромных успехов в бизнесе. У него безмерное богатство, но он малообразован, беден духовно. Понятие личности предполагает гармоничное, универсальное развитие всех человеческих задатков. Но разве человек не может максимально реализовать себя в какой-то одной сфере жизни? Тот же прекрасный математик, который плохо разбирается в искусстве. Можем ли мы назвать его личностью? В известном смысле, несомненно. Но, согласитесь, в этом случае человеческий идеал, который философы называли личностью, будет реализован не полностью.

Н.А. Бердяев рассматривал проблему личности как основную для философии. Когда человек рождается, он осознаёт себя индивидом. Он может сказать о себе: «Я». Но означает ли это, что сформировалась личность? Нет, Я – это изначальная данность. Личность же, по мнению Н.А. Бердяева, не есть данность, она складывается, развивается, обогащается, становится собою. В этом существенное отличие индивида от личности.

Интересное учение о личности принадлежит немецкому философу Максиму Шелеру. Он построил персоналистическую этику. Шелер охарактеризовал человека как существо, которое возвышается над собой и над всей жизнью. Он считал, что определить человека через чисто природные предпосылки не представляется возможным. Основным для Шелера оказывается противоположение не человека и животного, а личности и организма. Конечно, человек бесконечно выше животного, но человек, по мысли Шелера, это не только организм. Каждый человек стремится к знаниям, к нравственному совершенству, к освоению всего специфически человеческого. Так рождается личность.

Итак, термин «личность» употребляется в различных значениях. «Личность» может обозначать то же, что «индивид», т.е. отдельно взятый человек.

Иногда под личностью понимается часть внутреннего мира или особенности психической структуры. Это и совокупность общественных отношений, и недостижимый идеал, и нечто, данное от рождения. Каждое направление психологии, философии, социологии стремится дать своё определение. Но если мы говорим о личностном росте, то предполагаем, что личность нуждается в развитии и становлении. Юнг определял личность как «способную к сопротивлению и обладающую силой душевную целостность».

Это кажется странным и трудно воспринимаемым, но человек по своей природе противоречив, разнонаправлен. У него есть душа и тело, сознание и бессознательное, он – отдельное существо, но при этом включён в систему социальных отношений, наконец, он рождается мужчиной или женщиной. И именно поэтому стремление к целостности оказывается извечным устремлением, вектором движения, волей к невозможному. Вот в метро по эскалатору спускаются люди. Какие они? Чем живут? Что выбрали для себя в качестве смысла жизни? Кто-то ограничил своё существование телесными потребностями и инстинктами, кто-то ушёл в сферу духа, живёт исключительно ради себя самого или растворился в социальной роли чиновника, матери, проводника какой-нибудь идеи. Можно, оказывается, жить, оставаясь фрагментарным, одномерным. Простое перечисление свойств и качеств не даёт представления о целостности. Последняя не является ни набором, ни комплексом. Целостность – сцепление противоположностей, которые, будучи частями, не могут существовать отдельно, но создают не просто сумму, а дополняют друг друга до чего-то принципиально иного, большего.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 382 с.
2. Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 479 с.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 3–643.
4. Карамзин Н.М. Избранные труды / Сост. А.А. Ширинянц, А.Ю. Старостин. М.: РОССПЭН, 2010. 486 с.
5. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=157092&p=6> (дата обращения: 18.08.2023).
6. Мейнике Ф. Возникновение историзма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 480 с.
7. Социальная психология личности в вопросах и ответах / Под ред. проф. В.А. Лабунской. М.: Гардарики, 1999. 397 с.
8. Сухов А.Д. Русские философствующие историки. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2016. 159 с.
9. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1966. С. 77–788.

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Pavel GUREVICH

DSc in Philosophy, DSc in Philology, Professor.

N.M. KARAMZIN AS A DISCOVERER OF PERSONALITY

The objective of the article is to show a great significance of N.M. Karamzin as a pioneer in the field of personality. Using methods of comparative analysis, the author points out that in the 17th century European philosophy attempted to express the idea of man's high measure but there were no exact word to designate this idea. How can we judge that a particular individual, presenting himself as different persons, passing through a series of all possible transformations, still remains himself? What can guarantee to us that it is the same individual? How is the personal innermost kernel bound? If each individual becomes mature, acquires social roles, changes his views throughout his life time, then every attempt to correct identity seems impossible. The English philosopher J. Locke carefully thought out many variants of this mystery. But he did not find, in our view, an answer to the question what it is that permits an individual to ensure his integrity as a unique human being. Nevertheless, his merit is in advancing the word "personality". In Russian philosophy and literature there was no analogue. It was N.M. Karamzin who introduced his analogue of this phenomenon. But he coined it using a Russian word "*lik* (face, image)". Therefore, an individual who expresses a particular fullness of his existence was called "*lichnost*". Many authors introduced new words into the Russian language. N.M. Karamzin's significance was that he created a philosophical tradition. It might be called personalistic. It is related to philosophical comprehension of such a phenomenon as "*lichnost*" (personality). The article shows how Russian philosophers, having received the appropriate word at their disposal, tried to define also the signs that correlate with personality. Karamzin's new word needed assimilation, it required faceting and conceptual content.

Keywords: philosophy, persona, personality, individual, Enlightenment, history, ideal, society, spiritual experience

References

1. Berdyaev, N. *Filosofiya svobodnogo dukha* [Philosophy of the Free Spirit]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 479 pp. (In Russian)
2. Berdyaev, N. *O naznachenii cheloveka* [The Destiny of Man]. Moscow: Respublika Publ., 1993. 382 pp. (In Russian)

3. Hobbes, T. "Leviatan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo" [Leviathan, or the Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil], in: T. Hobbes, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1991, pp. 3-643. (In Russian)
4. Hume, D. "Traktat o chelovecheskoi prirode" [A Treatise of Human Nature], in: D. Hume, *Sochineniya* [Collected Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1966, pp. 77-788. (In Russian)
5. Karamzin, N. *Izbrannye trudy* [Selected Works], eds. A. Shirinyants, A. Starostin. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 486 pp. (In Russian)
6. Labunskaya, V. (ed.) *Sotsial'naya psikhologiya lichnosti v voprosakh i otvetakh* [Social Psychology of Personality in Questions and Answers]. Moscow: Gardariki Publ., 1999. 397 pp. (In Russian)
7. Lotman, Yu. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin] [<http://www.litmir.co/br/?b=157092&p=6>, accessed on 18.08.2023].
8. Meyneke, F. *Vozniknovenie istorizma* [The Emergence of Historism]. Moscow, St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives Publ., 2013. 480 pp. (In Russian)
9. Sukhov, A. *Russkie filosofstvuyushchie istoriki* [Russian Philosophizing Historians]. Moscow: Kanon+ Publ., 2016. 159 pp. (In Russian)